

курс любви

ален де боттон

курс любви

Москва
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б86

Alain de Botton

THE COURSE OF LOVE

Copyright © 2016 by Alain de Botton
This edition published by arrangement
with United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *В. Мисюченко*
Художественное оформление *П. Петрова*

Боттон, Ален де.
Б86 Курс любви / Ален де Боттон ; [пер. с англ.
В. Ф. Мисюченко]. — Москва : Издательство
«Э», 2017. — 352 с. — (Мировой бестселлер).
ISBN 978-5-699-94747-8

Спустя более двадцати лет после написания «Опытов любви» Ален де Боттон вновь обращается к этой вечной теме.

Друзья Рабиха и Кирстен всегда задают им один и тот же вопрос: как вы познакомились? О, это счастливая история, которую они оба любят рассказывать. Но есть вторая часть истории, о том, что было дальше, но об этом почему-то не принято спрашивать...

Два человека находят друг друга, влюбляются, женятся. Общество говорит нам, что это и есть счастливый конец. На самом деле это только начало. Новая книга Алена де Боттона о любви, романтиках, о браке и о том, как в нем выжить. Он исследует современные отношения с юмором, психологической точностью, пытаясь найти ответ на вопрос, который волнует каждого: что же значит на самом деле любить и быть любимым? И возможно ли «жить долго и счастливо»?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Мисюченко В., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-94747-8 ООО «Издательство «Э», 2017

РОМАНТИКА

Безрассудная страсть

Тостиница на скалистом уступе, в получасе езды на восток от Малаги. Задумывалась она для гостей, приезжающих семьями, и без злого умысла обнажает (особенно во время приемов пищи) сложности во взаимоотношениях каждой из них. Рабиху Хану пятнадцать лет, он на отдыхе вместе со своим отцом и мачехой. Отношения между всеми тремя безрадостные, разговор то и дело смолкает. Прошло уже три года, как умерла мать Рабиха. Стол каждый день накрывают на террасе с видом на бассейн. Время от времени мачеха произносит какие-то фразы: критикует паэлью или жалуется на ветер, который слишком сильно дует с юга. Родом она из Глостершира и любит копаться в садике.

Брак начинается не с предложения руки и сердца и даже не с самой первой встречи. Он начинается гораздо раньше, когда рождается представление о любви, а более конкретно — мечта о родной душе.

В первый раз Рабих видит эту девочку на берегу, у кромки воды. Она примерно на год младше, каштановые волосы стрижены по-мальчишески коротко, оливковый загар на худеньких руках и ногах. На ней матроска в полоску, голубые шорты и пара лимонно-желтых шлепок. Ее правое запястье обвивает тонкая кожаная полоска. Она поднимает на него взгляд, растягивает губы в полуулыбку и меняет положение тела на шезлонге. Несколько последующих часов она изучающе всматривается в море, слушает свой плеер и — в перерывах — кусает ногти. Родители по обе стороны от нее: мать листает номер журнала Elle, а отец читает роман Лена Дейтона¹ на французском. Как позже выяснит Рабих, заглянув в гостевую книгу, она из Клермон-Феррана² и зовут ее Алис Сауре.

Никогда прежде не испытывал он ничего и отдаленно похожего на это. С самого начала чувство потрясает его целиком. Оно не зависит от слов: ими они так и не обмениваются. Ощущение такое, словно он

¹ Лен Дейтон — английский писатель, автор шпионских романов и детективов, книг по военной истории и кулинарии. (*Здесь и далее прим. перев.*)

² Клермон-Ферран — город и коммуна на юге центральной части Франции.

каким-то образом всегда знал ее, словно она держит в себе ответ на само его существование и в особенности на то, отчего у него в груди возникла беспорядочная боль. В последующие дни он наблюдает за ней со стороны: за завтраком — в белом платье с цветастой каймой, берет йогурт с персиком с раздаточного стола; на теннисном корте — с трогательной вежливостью извиняется на английском с очень сильным акцентом перед наставником за свой удар слева; еще во время (очевидно) одинокой прогулки по периметру площадки для гольфа с остановками, чтобы полюбоваться на кактусы и гибискусы.

Она может достигнуть стремительно: уверенность, что другое человеческое существо и есть твоя родная душа. Не нужны разговоры, мы можем даже не знать имени. Объективность не имеет права голоса. А что имеет, так это только интуиция: спонтанное чувство, которое и ценно тем, что обходит стороной все доводы рассудка.

Страстная влюбленность кристаллизуется, вбирая в себя целый ряд элементов: шлепанца, беззаботно свисающая с ноги; книжка в бумажной обложке («Сиддхартха» Германа

Гессе), лежащая на полотенце рядом с кремом для загара; ярко очерченные брови; отстраненная манера отвечать на расспросы родителей и подпирать щеку ладонью, поедая маленькими порциями шоколадный мусс за ужином.

Инстинктивно он выуживает из таких вот деталей особенности Ее характера. Мысленно, глядя на вращающиеся под потолком деревянные лопасти вентилятора, Рабих пишет историю своей жизни с Ней. Она будет меланхолична и искушена городской жизнью. Она доверится ему и будет смеяться над лицемерием других. Порой Она будет нестерпимо желать вечеринок с подружками: признак личности чувственной и глубокой. Ее уделом было одиночество, и до сих пор Ей никогда не приходилось доверять кому-либо полностью. Они будут сидеть вдвоем на кровати, переплетая пальцы рук. Да, Она тоже даже представить себе не могла, что такая связь возможна между двумя людьми.

Но вот одним утром безо всякого предупреждения Она исчезает, и за Ее столом сидит какая-то голландская пара с двумя мальчишками. Она же с родителями покинула гостиницу на рассвете, торопясь успеть на рейс «Эйр Франс» домой, как объясняет управляющий.

Случившееся незначительно. Они никогда больше не встретятся. Он не сказал ни слова. А к его размышлениям Она осталась совершенно равнодушна. Но все же история начинается здесь, потому что (как бы ни переменялось многое в Рабихе за годы, насколько бы он ни повзрослел) его понимание любви на десятилетия сохранит в точности ту же формулу, которая раавцвела в гостинице «Каса Эль-Сур» в то лето, когда ему шел шестнадцатый год. Он продолжит верить в возможность внезапного достижения полной взаимности и эмпатии между двумя людьми и в возможность окончательно завязать с одиночеством.

Он будет испытывать ту же горькую сладость влечения к другим утраченным родным душам, замеченным в автобусах, среди рядов с товарами в супермаркетах и в читальных залах библиотек. Совершенно то же чувство охватит его и в двадцать лет во время учебного семестра на Манхэттене по отношению к женщине, сидящей слева от него в идущей на север электричке «С»¹, и в двадцать пять лет в архитектурной кон-

¹ «С» — действующая в Нью-Йорке линия (тридцать первый км) открытого метро.

торе в Берлине, где он будет практиковаться, и в двадцать девять лет во время полета между Парижем и Лондоном после краткого разговора над Ла-Маншем с женщиной по имени Хлоя: чувство случайной встречи с давным-давно утраченной частью самого себя.

По мнению романтиков, мимолетного взгляда, брошенного на незнакомца, достаточно, чтобы понять — он или она представляют собой исчерпывающий ответ на невысказанные вопросы бытия.

Их пылкость может казаться банальной, даже курьезной, тем не менее такое почтение перед инстинктом отнюдь не малая планета в космологии отношений. Интуиция — солнце, вокруг которого вращаются современные идеалы любви.

Вера в романтическую любовь существовала, должно быть, всегда, но лишь в последние несколько столетий о ней стали судить как о чем-то большем, нежели болезни: только недавно поиск родной души был приравнен к постижению смысла жизни. Прежняя идеализация богов и духов была обращена на человеческих существ — жест, по видимости, щедрый, но тем не менее чреватый зловещими и ломкими по-

Курс любви

следствиями. Непросто на протяжении всей жизни соответствовать совершенному образу, возникающему в воображении прохожего, незнакомца в офисе или в соседнем кресле самолета.

Понадобится много лет и постоянные опыты любви, прежде чем Рабиху удастся прийти к другим выводам, убедиться, именно то самое, что он прежде считал романтическим: озарение, внезапное вождение, вера в родство душ, — только мешает учиться поддерживать отношения. Он поймет, что любовь способна выстоять только тогда, когда оказываешься неверен ее соблазнительным первоначальным порывам, и что ради жизнеспособности отношений необходимо отделаться от чувств, которые прежде всего и вовлекли в отношения. Ему предстоит познать, что любовь — это скорее мастерство, а не страсть.

Сакральное начало

Всякий раз один и тот же вопрос «Как вы двое познакомились?», задаваемый Рабиху и его жене на первых порах брака (и последующие несколько лет), обычно порождал игривую атмосферу, замещаю-

щую возбуждение. В таких случаях любая пара обычно обменивается взглядами (порой слегка застенчивыми, когда весь стол замирает в ожидании ответа), определяя, чей черед рассказывать. В зависимости от слушателей можно преподать историю остроумно или душевно. Ее можно свести к одной строчке или наболтать целую главу.

Началу уделяется неоправданно много внимания потому, что никто не предполагает, что это только один этап из многих. Для Романтиков начало отношений в концентрированном виде содержит в себе все необходимое для любви в целом. Именно поэтому существует столько любовных историй, в которых после встречи влюбленных, после первых пройденных испытаний рассказчик обретает пару на сомнительное будущее или же убивает возлюбленных. Ведь то, что обычно мы называем любовью, — только начало любви.

Удивительно, замечают Рабих и его жена, насколько редко их спрашивают о том, что произошло с ними после встречи, словно интересоваться подлинной историей отношений — перешагивать за дозволенную

черту любопытства. Никогда прилюдно не приходилось отвечать на единственный волнующий их вопрос: «Каково это быть женатыми так долго?»

Рассказы об отношениях, которые без видимых драм и неистовств сохраняются десятилетиями (что увлекает и пугает одновременно), — исключения в ряду историй, где мы находим мужество рассказать о развитии любви.

Происходит это так, начало, привлекающее к себе слишком много внимания: Рабиху тридцать один год, он живет в городе, который едва знает или понимает. Раньше он жил в Лондоне, но недавно перебрался в Эдинбург. Его прежний работодатель — архитектурное бюро — избавился от половины штатных сотрудников, неожиданно упустив важный контракт. Переизбыток рабочей силы вынудил Рабиха закинуть сеть своих профессиональных поисков глубже, чем ему бы хотелось, что в конечном счете привело его к согласию работать на шотландскую студию дизайна городской среды, специализирующуюся на площадях и перекрестках. Он одинок уже несколько лет, с того момента, как отношения с гра-

фической дизайнершей потерпели неудачу. Рабих вступил в местный клуб здорового образа жизни и зарегистрировался на интернет-сайте знакомств. Он присутствовал на открытии галереи, выставяющей предметы кельтской культуры. Посещал одно за другим все мероприятия, мало-мальски имевшие отношение к его работе. Все напрасно. Несколько раз он ощущал интеллектуальную связь с женщиной, но никакой физической — или наоборот. Или, того хуже, мелькал лучик надежды, а следом звучало имя ее парня, обычно стоявшего в другом конце комнаты с выражением тюремного надзирателя на лице. И все же Рабих не сдавался. Он — *Романтик*. В конце концов после множества пустых суббот *это* произошло — почти так, как он был приучен (искусством главным образом) ожидать. Начинается круговое движение на дороге A720, идущей на юг от центра Эдинбурга, соединяющей трассу с замкнутым кварталом элитных домов, выходящих окнами на поле для гольфа и пруд, — поручение Рабих принимает не из интереса, его обязывает скромное положение в иерархии своей компании. Со стороны клиента контроль над исполнением изначально поручили одному из старших членов Город-

ского совета, но за день до начала реализации проекта ответственного постигла тяжелая утрата и на его место выдвинули менее значимого коллегу. С Рабихом они обмениваются рукопожатием пасмурным утром в начале июня, чуть позже одиннадцати часов. На Кирстен Маклелланд флуоресцирующая куртка, каска и пара грубых резиновых сапог. Из того, что она произносит, Рабих Хан слышит не так-то много: не только из-за непрерывно грохочущих ударов стоящего поблизости гидрокompрессора, но еще и потому, что, как ему предстоит убедиться, Кирстен частенько говорит довольно тихо, как принято в ее родном Инвернессе¹, где в течение разговора уходят от основной темы еще до того, как завершают предложения, словно на полпути собеседник высказал какое-то возражение и можно попросту переходить к обсуждению других, более значимых вещей. Несмотря на ее одеяние (или, говоря правду, в какой-то мере именно из-за него), Рабих сразу же замечает в Кирстен ряд черт как психологических, так и физических, которые ему импонируют. Например, не-

¹ И н в е р н е с с — город-порт в Шотландии, административный центр и единственный населенный пункт со статусом города в области Хайленд, крупнейшей из унитарных областей.